

Ольга Алексеевна Колоколова

*магистр филологии,
учитель русского языка и литературы,
муниципальная гимназия № 17
(Петрозаводск, Российская Федерация)*
kolokolowa.olg@yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В «ВОЕННЫХ» СТИХАХ СБОРНИКА Н. С. ГУМИЛЕВА «КОЛЧАН»

Аннотация. В статье рассматриваются христианские образы в «военных» стихах сборника Н. С. Гумилева «Колчан». Автором были проанализированы некоторые особенности хронотопа, выделены христианские категории, значимые с точки зрения трактовки военной темы. Заглавие книги во многом определяет тематику и значимость группы военных стихотворений в системе сборника в целом. Связь заглавия с ветхозаветными образами придает новые смыслы в интерпретации военной темы. Важную роль в осмыслении военных стихов играют образы хронотопа. Время настоящее в стихотворениях связано с временем прошлым, историческим, и с вечностью: человек на войне, реализуя свое предназначение, выстраивает жизнь в контексте истории, исполняя Божью волю, становится частью замысла Творца, обретает связь с вечностью. Таким образом, тема единства божественного замысла, предназначения, связи человека с историей является одной из ключевых в сборнике. Потеря своего предназначения представлена Гумилевым как переходное состояние, болезнь. Исцеление даруется высшими небесными силами. Спасение для поэта связано с поиском веры и обретением духовной силы, осознанием своего предназначения. Согласно христианской традиции, любая война — несчастье, явление страшное, мучительное, но она может принести и очищение души через страдание, укрепление ее. Н. С. Гумилев в военных стихах воспевает подвиг, доблесть и славу, самопожертвование. Для поэта война — это обретение веры и путь христианина-воина.

Ключевые слова: хронотоп, Н. С. Гумилев, «военные стихи», христианская традиция, христианин-воин

Заглавие книги стихотворений Н. С. Гумилева «Колчан» (1916) во многом определяет тематику и значимость группы «военных» стихотворений в системе сборника в целом. Многие исследователи отмечали прямые и переносные значения заглавия, связывая его с военной атрибутикой. Н. В. Налегач предложила учитывать контекст античной культуры при интерпретации заглавия сборника: «Колчан может выступать атрибутом воина, и это оправдывается развитием

темы войны как магистральной в книге. В античной культуре колчан с золотыми стрелами был атрибутом Аполлона — бога искусств» [7]. Эта ассоциация подкрепляется рядом фактов. Гумилев, основатель акмеизма, большое значение придавал аполлоническому направлению в искусстве. Первые статьи, раскрывающие теорию нового литературного течения, появились в журнале «Аполлон». Одним из создателей журнала, приглашенных С. К. Маковским, был И. Ф. Анненский. Он вел полемику с Вяч. Ивановым относительно аполлонического и дионисийского типов творчества. Таким образом, по мнению Н. В. Налегач, заглавие определяет направленность сборника не только на военную тематику группы стихотворений, но и на античные традиции, мотивы и образы, которыми наполнены многие произведения, в том числе и посвященные теме России и войны.

Заглавие наводит ассоциации с ветхозаветными образами и мотивами. Образ колчана и стрел очень распространен в книге пророка Исая, особенно ярко представлен он в главе 49:

Уподобил мой язык заостренному мечу,
в тени Своей руки меня укрыл;
сделал меня отточенной стрелой,
в Своем колчане меня хранил;
сказал мне: «ты слуга Мой, Израиль,
в тебе явится слава Моя» (Ис. 49:2–3).

Согласно толкованию св. Кирилла Александрийского, «стрела избранная» — это Сам Господь Иисус Христос. Много было у Бога и других стрел — вождей и пророков — которыми он влиял на отупевшее человечество; «но избранная и превосходящая всех стрела, Христос, была скрытой в предвечии Отца, как бы в колчане»¹. Связь заглавия сборника с ветхозаветными образами придает новые смыслы в интерпретации военной темы.

Идейно-семантическим центром сборника исследователи называют стихотворение «Пятистопные ямбы» [3]. Лирический герой потерял возлюбленную, его постигло разочарование в прожитой жизни. Но сквозь усталость, «презренье к миру», отчаяние он слышит призыв:

И в реве человеческой толпы,
В гуденье проезжающих орудий,
В немолчном зове боевой трубы
Я вдруг услышал песнь моей судьбы
И побежал, куда бежали люди,
Покорно повторяя: «Буди, буди». (III, 85)²

Герой идет на войну, не сомневаясь в правильности выбранного им пути, вверяет себя высшей силе, Богу. Чувство исполнения своего предназначения дает лирическому герою стихотворения возможность обретения внутренней ясности и гармонии.

И счастьем душа обожжена
С тех самых пор; веселием полна,
И ясностью, и мудростью, о Боге
Со звездами беседует она,
Глас Бога слышит в воинской тревоге
И Божьими зовет свои дороги. (III, 86)

Мужество, смелость, сильная воля в минуту опасности всегда были ценностными ориентирами для Н. С. Гумилева. В военных стихах проявлена вера. Он понимает, что руководим волей божественной, сам становится частицей замысла мира, истории. Обретение веры дарует воину помощь и покров небесных сил.

Нам ложем будет свежая трава,
А пологом — зеленая листва,
Союзником — архангельская сила. (III, 86)

Обращается лирический герой и к Богородице. Его слова близки к строкам молитвы-песнопения «Достойно есть».

Честнейшую честнейших херувим,
Славнейшую славнейших серафим,
Земных надежд небесное Свершенье. (III, 86)

В стихотворении возникает образ золотого и белого монастыря, который можно интерпретировать как символ Церкви, духовного единства, противопоставленный земной действительности, войне. Белый монастырь, «озаренный

немеркнуущею славой» символизирует и победу, но не столько в войне реальной, сколько на поле брани духовном.

Об образе храма, церкви земной и небесной в творчестве Н. С. Гумилева писал Н. К. Рерих: «Золотое сердце русское, бьющееся в миллионах, населяющих Русь <...> всегда томилось неосознанными устремлениями всемирности и мечтало о храме всеобъемлющем, о граде Китеже, Новом Иерусалиме»³.

«Золотое сердце России» — образ стихотворения «Наступление». В нем раскрывается единство с другими воинами, с родиной.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей. (III, 52)

В самом сравнении мерного биения сердца с боем громовых молотов содержится противопоставление. Такое несоответствие вызвано трагичностью самой жизни, реальностью войны.

Антитеза — распространенный прием в военных стихах сборника. На бинарных оппозициях строится описание пространства, времени, состояния лирического героя.

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня... (III, 52)

Рай и ад переносятся на характеристику страны, России. Состояние войны для Гумилева — ад. Однако под защитой Сил Небесных этот час становится «страшным и светлым». Противопоставляется в стихотворении пища земная и духовная, которая реализуются в Слове Божьем:

Но не надо яства земного
В этот странный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас. (III, 52)

В последней строфе представлен образ победы как «девушки в жемчугах». На то, что Гумилев особое значение придает победе, поэтизирует ее, указывают изменения начальной

строчной буквы (победу) в черновых записях на заглавную (Победу). Создается чистый, светлый образ девушки, контрастный действительности, «дымному следу отступающего врага». Множественность оппозиций, противопоставлений в стихотворении (рай — логовище огня, яство земное — Господне слово, страшный — светлый, залитые кровью — ослепительны и легки, девушка в жемчугах — дымный след врага), создают двоemiрие идеального и материального. Образ современной, военной России противопоставлен возможному, приближенному в представлении поэта к идеалу («та страна, что могла быть раем»).

Раскрывается в стихотворении видение героем себя в этой войне:

Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть. (III, 52)

Воин, в груди которого бьется «золотое сердце России», жизнь и смерть воспринимает иначе. А. Ахматова в разговорах с П. Н. Лукницким, биографом поэта, высказывала мысли о том, что с военными годами в жизни и творчестве Гумилева закончился «период эстетства», и начался «период «русских» стихов — период, когда он полюбил Россию, говоря о ней как француз о старой Франции. Это — стихи «от жизни», пребывание на войне дало Николаю Степановичу понимание России — Руси. Зачатки такого «русского» Гумилева <...> — военные стихи «Колчана», в которых сквозит одна сторона только — православие...» [4, 164].

Тема жизни и смерти развивается в другом стихотворении Гумилева — «Смерть».

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верить в знамя Господне, твердь. (III, 55)

Анализируя стихотворение «Смерть», С. Н. Булгаков писал:

Всякая великая война являет собой этот образ последнего столкновения добра и зла, ангелов и демонов, Христа и князя мира сего, в котором всегда есть две борющиеся стороны. <...> Пацифизм,

как таковой, потому уже бессилён одержать победу, что возбудитель войны есть личный носитель зла в мире, князь сего мира и его слуги — антихристы. И может быть, надо прямо это сказать, мир недобрый, сатанический пацифизм может стать не благом, но разложением, человек безнаказанно не выносит дарового покоя, обывательского благополучия. <...> Война есть мировой пожар истории, в котором многое сгорает, ценное и бrenное, многое переплавляется и обновляется к жизни. И в этом смысле она есть все-таки начало жизни, а не смерти, хотя и смертным путем. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Эта жизнь приносится к ногам Источника Жизни, Воскресителю умерших, Который ведет мир за порог смерти, к новой жизни воскресения [1, 150].

Смерть на войне для Гумилева достойна и проста, сопровождается она христианским, милосердным, сострадательным отношением к павшему на поле брани:

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит...

Воин принимает судьбу свою и товарища, и в этом осознании, без недовольства, без отчаяния проявляется сила духа, такое поведение на войне диктует истинная вера. Смерть — только рубеж, шаг в бессмертие, что является истинной наградой.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет разлвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту. (III, 55)

В приятии воином своей судьбы заключается провиденциальный характер отношений человека и истории: познавшему свое предназначение приоткрывается составляющая

божественного замысла жизни всего человечества. Воин — как стрела в колчане Божьем.

С темой судьбы человека и истории связаны особые характеристики времени в военных стихах сборника. Время обращено в историю, настоящее встроено в контекст единой исторической линии, связано с прошлым и имеет выход в вечность. Такой организации времени близко так называемое «богослужбное сегодня» [1, 150]. Христианство устанавливает «единый хронотоп бытия, в котором каждый имел свой неповторимый «образ», являл единую память, в которой литургия выступала как постоянное, непрерываемое, вечное восхождение к евангельским высотам. <...> Только литургия, соединяя в своем содержании сакральное, вечное и одновременно предельно зримое, постоянно ощущаемое, была способна максимально полно раскрыть сущность социальной памяти» [6].

В военных стихах Гумилева время настоящее связано с временем прошлым, историческим, и с вечностью: человек на войне, реализуя свое предназначение, выстраивает жизнь в контексте истории, исполняя Божью волю. Он становится частью замысла Творца, то есть обретает связь с вечностью.

В Евхаристии, важнейшей части Литургии, «память, как память смертная, способна придать смысл и значимость жизни человека, вырывая его из "дурной бесконечности" повседневного бытия. Память смертная избавляет человека от несущественного и неважного в его жизни, показывая истинный смысл его бытия — бытия в Боге» [6]. Таким образом, «восстанавливается вечно пытающаяся порваться связь времен, элиминируется разрыв прошлого, настоящего и будущего, которое обретает свою целостность в едином хронотопе вечности» [6].

Тема единства божественного замысла, предназначения, связи человека с историей является одной из ключевых в сборнике. Потеря своего предназначения представлена Гумилевым как переходное состояние, болезнь в стихотворении «Видение». Исцеление даруется высшими небесными силами. Вместе с «золотым здоровьем», которое означает выздоровление не столько телесного, сколько духовного начала человека, дарованным св. Пантелеймоном, истомленному

больному дается св. воином Георгием осознание своего воинского пути как истинного, предназначенного Богом, единственно правильного. Чудесное исцеление сопровождается изменением пространственных и световых характеристик: тьма озаряется светом, ночной мрак сменяется солнечным утром, а ложе болезни — ратным полем. Спасение обретается через дарование Святого Духа. Слабый и страдающий человек преобразуется силой животворящего Духа, получает силу в борьбе со злом, приобретает иное бытие, в котором плоть подчиняется духу. «Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас» (Рим. 8:9).

В стихотворениях Гумилева относительность телесной силы по отношению к духовной выражается в даровании человеку волевого, духовного начала:

Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души. (III, 52)

Согласно одной из традиций христианской антропологии, человеческая природа троичастна. Человеческая личность имеет три составляющие: дух, душу и тело. Ириней Лионский писал: «Совершенный человек состоит из трех — плоти, души и духа: из коих один, т. е. дух, спасает и образует; другая, т. е. плоть, соединяется и образуется, а средняя между этими двумя, т. е. душа, иногда, когда следует духу, возвышается им, иногда же, угождая плоти, ниспадает в земные похотения» (Против ересей, V, 9:1)⁴.

Все эти три категории заявлены Гумилевым в стихотворении «Солнце духа». Многие святые отцы не различали

природу Святого Духа, ниспосылаемого нам Господом и духа человеческого. У Гумилева дух, дарованный небесами, расцветает в душе человека и подчиняет себе тело и душу, укрепляет волю. Воин исполняет свой долг под покровительством небесных сил, поэтому преодолевает все препятствия. По словам св. Иоанн Златоуста, когда человек «делает то, что угодно Богу, называется духовным, но не от души получает такое наименование, а от другого высшего достоинства, — от действия Духа»⁵. Обретение духа связано в сознании Гумилева с аскетическим состоянием тела, крайним напряжением сил, «постом и бдением» (VI, 152). Жизнь духа начинается с подчинения телесного начала.

Третье четверостишие («Расцветает дух, как роза мая...»), несмотря на банальность сравнения, отмеченную многими исследователями, было очень дорого поэту. В «Записках кавалериста» он писал:

Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня (VI, 159).

Первоначально эта строфа была включена в стихотворение «Война», но позднее из нее выросло отдельное стихотворение «Солнце духа», где эта тема, столь важная для поэта, представлена в более широком масштабе. По словам Б. Эйхенбаума, Н. С. Гумилев представляет войну как «мистику духа» [5]. С обретением веры и духа преобразуется душа человека, через путь страдания и самопожертвования происходит ее некое очищение.

Согласно христианской традиции, любая война — несчастье, явление страшное, мучительное для человеческой

души. Война разрушает, сеет зло в мире и человеческой душе, но она может принести и очищение души через страдание, укрепление ее. Н. С. Гумилев в военных стихах воспекает подвиг, доблесть и славу, самопожертвование. Для поэта война — это обретение веры и осознание своего предназначения. Как и для всякого воина, необыкновенно важна для Гумилева победа. Победа — подвиг, то, ради чего «расцветает Дух», единение людей и обретение веры и себя через реализацию своего предназначения христианина-воина, который, вооружившись верой, под защитой Слова Господня защищает родину.

Примечания

- ¹ Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина. Минск: Харвест, 2001. С. 1128–1129.
- ² Цитаты приводятся по изданию: Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2004. Номер тома и страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
- ³ Рерих Н. К. Листы дневника. М.: МЦР, 1996. Т. 3. С. 190–191.
- ⁴ Ириной Лионский. Творения. М.: Благовест, 1996. 640 с.
- ⁵ Иоанн Златоуст. Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста: В 12 т. М: Православная книга, 1991. Т. 6. С. 473.

Список литературы

1. Булгаков С. Н. Размышления о войне // Звезда. 1993. № 5. С. 138–168.
2. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
3. Климчукова В. Н. Христианские истоки поэтических образов Н. С. Гумилева в сборнике «Колчан» // Дружба-3: Слово и образ в художественной литературе. М.: МГОУ, 2003. С. 50–60.
4. Лукницкая В. К. Николай Гумилёв: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 302 с.
5. Эйхенбаум Б. Новые стихи Н. Гумилева // Н. С. Гумилев: Pro et contra. СПб.: РГХИ, 1995. С. 428–432.
6. Лойко О. Т. Гармония бытия социальной памяти: литургия [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-111696.html> (10.01.2013).

7. *Налегач Н. В.* Миф об И. Анненском в поэзии акмеистов [Электронный ресурс]. URL: <http://annenskiylit-info.ru/annenskiy/articles/nalegach-mif.htm> (15.01.2013).

Olga Alekseyevna Kolokolova

*Master of Philology,
Teacher of Russian Language
and Russian Literature,
municipal gymnasium no. 17
(Petrozavodsk, Russian Federation)
kolokolwa.olg@yandex.ru.*

CHRISTIAN MOTIFS IN WAR-THEMED POEMS FROM NIKOLAI GUMILYOV'S POETIC COLLECTION *THE QUIVER*

Abstract: The article examines Christian images in war-themed poems of Nikolai Gumilyov's poems collection *The Quiver (Kolchan)*. The author analyzes some peculiarities of chronotope, determines Christian categories, which are significant for the interpretation of the war topic. The title of the book defines the subject and the role of the war-themed poems in the system of the entire collection. Connection between the title and the Old Testament images adds new meanings to the interpretation of the war topic. Chronotope images play an important role in the comprehension of the war theme. The present is related to the historical past and eternity: the man at war, implementing his destiny and mission, builds life in the context of history, God's will, becomes a part of the Creator's conception, finds a connection with eternity. Thus, the theme of the unity of the divine plan, purpose, man's connection with history is one of the key themes of the poems collection. Gumilyov presents the loss of destiny as a transitional state or illness. Healing is given by divine powers. Salvation is associated with the search for faith and the attainment of spiritual power, the knowledge of the destination. According to Christian tradition, any war is a misfortune, a terrible, painful phenomenon, but it can bring the atonement through suffering and strengthening of the soul. Nikolai Gumilyov praises heroic deeds, courage, honor, and self-sacrifice. War is a way to find faith and a right way for a Christian warrior poet.

Keywords: chronotope, N. Gumilyov, the war theme, Christian categories, a Christian warrior poet

References

1. Bulgakov S. N. Razmyshleniya o voyne [Reflections on War]. *Zvezda [The Star]*, 1993, no. 5, pp. 138–168.
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature [The Category of Sobornost' in Russian Literature]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p.

3. Klimchukova V. N. Khristianskie istoki poeticheskikh obrazov N. S. Gumileva v sbornike «Kolchan» [Christian Roots of the Poetic Images in Nikolay Gumilev's Poems Collection "The Quiver"]. *Druzhba-3: Slovo i obraz v khudozhestvennoy literature* [Friendship-3: Word and Image in Fiction Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2003, pp. 50–60.
4. Luknitskaya V. K. *Nikolay Gumilev: Zhizn' poeta po materialam domashnego arkhiva sem'i Luknitskikh* [Nikolay Gumilev: Poet's Life Based on Luknitskies Family Home Archive]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 302 p.
5. Eykhenbaum B. Novye stikhi N. Gumileva [Nikolay Gumilev's New Poems]. *N. S. Gumilev: Pro et contra* [Nikolai Gumilev: Pro et contra]. Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1995, pp. 428–432.
6. Loyko O. T. *Garmoniya bytiya sotsial'noy pamyati: liturgiya* [Harmony of Social Memory Existence: Liturgy]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-111696.html> (accessed 10 January 2013)
7. Nalegach N. V. *Mif ob I. Annenskom v poezii akmeistov* [Myth of Innokenty Annensky in Akmeist Poetry]. Available at: <http://annenskiylit-info.ru/annenskiy/articles/nalegach-mif.htm> (accessed 15 January 2013)